

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РЕНЕССАНСНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

На протяжении столетий формировались основополагающие ценности бытия белорусского народа, скрепляющие этническую общность и определяющие ее историческую самобытность. Важнейшим этапом становления отечественной культуры и самосознания было XVI столетие – эпоха Возрождения и Реформации. В первой половине столетия в общественно-философском творчестве Франциска Скорины и Николая Гусовского формулируется ряд фундаментальных идей и понятий национальной жизни – гуманизм в духе христианской этики, высокая нравственность и интеллектуализм, просветительство и законоправие, гражданский мир и согласие, толерантность и патриотизм, ценность природной среды обитания и др. [15, с. 22].

Национально-патриотические и гражданские идеи раннего Возрождения получили развитие в ренессансно-гуманистической и реформационной мысли второй половины XVI ст., когда существенно актуализировалась проблема сохранения государственности и национальной культуры белорусского и украинского народов. Подобно Скорине, “богу ко чти и посполитым людям языка

русского к наказанью и доброму наученью” в 1562 г. в Несвиже Сымоном Будным в соавторстве с М.Кавечинским и Л.Крышковским был издан на белорусском языке “Катехисис, то есть наука стародавняя христианьская... для простых людей языка руского...” [19, с. 29, 24]. Одной из задач издания было пробуждение национально-патриотических чувств господствующего класса страны. С.Будный призывает своих патронов, молодых князей Радзивиллов, не забывать родной язык, язык предков: “абы ся ваши княжацкие милости не только в чужоземских языцех кохали, але бы... и того здавна славного языка словенского розмиловати и оным ся бавити рачили” [19, с. 25]. Уважительное отношение к национальной культуре, по убеждению Будного, даст “всім иншим с себе добрый взор а приклад” и послужит благу “отчизны” [19, с. 26].

Вопрос о сохранении и развитии белорусской культуры и национального языка был поставлен деятелями реформационно-гуманистического движения не случайно. Стремясь к увеличению числа своих сторонников, они ратовали за использование живого белорусского языка в церковном богослужении и религиозной письменности, делали книгу доступной широкому кругу читателей. Кроме того, становление протестантизма проходило в условиях противоборства с католической экспансией, особенно усилившейся после Люблинской унии 1569 г. и сопровождавшейся процессом полонизации белорусской и литовской магнатории и шляхты. На основе общности прав, привилегий, католической идеологии и польского языка складывается феодально-этническая общность – “народ шляхетский”. В среде господствующего класса утверждается формула “*genere Ruthenus, natione Polonus*” – “по рождению русин, по народности – поляк”. Со временем “русинское” происхождение будет отброшено.

Одним из первых на опасность полонизации правящего класса, грозящей существованию национальной культуры народа, обратил внимание Василий Тяпинский. Движимый национально-патриотическими побуждениями, он “з зычливости ку моей отчизне” и “своей Руси услугоющий” [8, с. 87-88], на собственные скромные средства (“з убогое свое маетности народу моему услугую”) осуществил издание нескольких книг Евангелия, снабдив их предисловием, в котором изложил своё политическое кредо просветителя-гуманиста. Тяпинский был глубоко обеспокоен состоянием национальной культуры, и в частности упадком просвещения на родном языке: “Хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, так много деток невинных, мужов з жонами в таком зацном руском, а злаца перед тым давстипном, учоном народе езика своего славнаго занедбане а просто взгарду”, в результате чего детей “не без встыду своего” приходится отправлять в школы “полские або в иные писма”. Чуждающихся “наук в слове своем” мыслитель призывает вспомнить предков, которые ранее других народов “своим власным езиком от так давнего часу слово боже выложили и мели, и нам зоставили”. Видя такой пример, и иные все “слово божее езиком прирожоным перекладати и читати почали”. Ныне же, по мнению мыслителя, воцарилось “марнотрацтва”, “неумеетность”. Выход из создавшегося положения Тяпинский усматривал в поддержке просвещения, национальной культуры со стороны “зацных панов”, поднятии морального и образовательного уровня духовенства [8, с. 89-90]. Последующее развитие культурно-политической ситуации показало историческую правоту мыслителя. Высказанные им идеи о необходимости просвещения и богослужения на родном языке, создании национальных школ оказали благотворное воздействие на становление национального самосознания и культуры белорусского народа.

Проблема языка и национальной культуры была в значительной мере осложнена конфессиональными противоречиями, которые усилились со второй половины XVI в. Политическая интеграция земель ВКЛ и Короны, активизация контактов с польской культурой привели к расширению влияния на белорусских и украинских землях католической церкви и польского языка. "...Позавидели их обычаям, их мове и наукам,... у науки Римские свое дети давати почали; которые з науками своими все панство Руское до веры Римское привели, иж потомкове княжат Руских з веры православной на Римскую выкрестилися, и назвиска и имена себе поотменяли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивых прародителей своих. А за тым православие Греческое озимнело и у взгорду пришло и во занедбание..." – писал автор "Перестроги" [1, с. 205]. Часть "русского" духовенства и православных деятелей культуры видели выход из создавшейся ситуации на пути культурно-религиозной изоляции, отрицания "латинской" образованности. В одном из произведений Загоровского сборника утверждалось: "Злюку приязнь церкви латина давает и благоверие з ней издирает... Марнотравность летам молодым бывает, кто у латинников наук уживает..." [20, с. 190]. Однако в либерально настроенных кругах белорусско-украинского православного общества стремление сохранить "русский язык", традиционную духовность, религию сочеталось с осознанием необходимости приобщения к передовой западноевропейской культуре. Примером подобной позиции может служить тестамент брацлавского каштеляна Василия Загоровского (1577 г.). Загоровский завещал обучить своих детей как в "своем языке руском", так и "латинском", затем для продолжения образования направить в Виленский иезуитский коллегиум ("бо там фалят детям добрую науку"). При этом он требовал, "абы писма своего Руского и мовенья Рускими словы и обычаев цнотливых и покорных Руских не забачали, а наболей веры своее, до которое их Бог возвал..., и набоженства в церквах наших, Греческому Закону належного" [5, с. 37-38]. В завещании Загоровского предстаёт образ идеального "русского" (т.е. белорусского и украинского) шляхтича, который желает приспособиться к духу нового времени и новым обстоятельствам социально-политической жизни общества, но сохраняет при этом элементарное чувство национального достоинства и патриотизма, не утрачивает привязанности к православной церкви, родному языку и культуре.

На сохранение белорусского языка в качестве государственного, его защиту от польской языковой экспансии были направлены соответствующие статьи Статутов 1566 и 1588 г. [12, с. 73]. И в этом огромная заслуга Льва Ивановича Сапегы, который в предисловии к Статуту 1588 г. не без гордости отмечал, что "не обчыим яким языком, але своим власным права списаные маем" [23, с. 48]. В "белорусской конституции", чем по мнению некоторых исследователей являлся Статут 1588 г., (первой статье четвёртого раздела) предписывалось, что "писар земский маеть по-руску литерами и словы рускими все листы, выписы и позвы писати, а не иншым езыком и словы" [23, с. 140].

В полемике между сторонниками католической и православной ориентаций одним из камней преткновения был "словенский" язык, который являлся языком православной литургии и богослужебной литературы. Так, в известной книге "О единстве церкви Божьей" (1577 г.) с резкими заявлениями о культурной, в том числе языковой отсталости белорусов и украинцев выступил иезуит Пётр Скарга. Он утверждал, что "со славянским языком никто учёным быть не может... Потому что на свете нет нации, которая бы на нём, как в книгах записано, говорила, а своих правил, грамматик и пособий для обучения (у славян. – В.С.) нет и их иметь не могут" [16, с. 485-486]. В дальнейшем проблема языка, культуры вообще стала одной из существенных тем обострившейся на рубеже XVI – XVII вв.

религиозной полемики. Стремление доказать ошибочность позиции "польского Златоуста", показать, что "русский" народ обладает литературным языком, вполне способным обслуживать нужды науки, соединилось с национальными, общекультурными и конфессиональными задачами. Это ускорило создание первых славянских грамматик. В 1596 г. вышла "Грамматика словенска" Лаврентия Зизания, в 1619 – "Грамматика" Мелетия Смотрицкого, в 1627 – "Лексикон славеноросский" Памвы Беринды.

Проблема языка обсуждалась и в самой православной среде. Здесь альтернативой церковнославянскому ("словенскому") выступал литературный белорусский язык или "простая мова". В 1569 г. стараниями гетмана ВКЛ, старосты Гродненского и Могилёвского Григория Александровича Ходкевича с целью, чтобы "слово божие розмножилося и научение людем закону греческаго ширилося", была издана "Книга, зовомая Евангелие учителное". В предисловии к ней Ходкевич отмечал, что первоначально желал "выразумения ради простых людей" перевести книгу на "простую мову", но после совещания с "люди мудрые" отказался от своего намерения, объясняя это тем, что при переводе "помылка чинится немалая" [19, с. 32].

"Ново с грецкого и словенского языка на русский" "Евангелие учителное", автором которого был патриарх Калиста, было переведено в 1616 г. М.Смотрицким [19, с. 18, 64, 70]. Весьма показательна мотивация издания на "простейшом языке". Смотрицкий пояснял, что труд Калисты на "словенском" для предков "велими потребен и пожиточен был", но ныне "пре незнаемость и неумеетность языка словенского многих" стал "мало пожиточен". Переведённый же "на язык наш простой" (т.е. белорусско-украинский) он словно "з мертвых воскрешен" и "потребен и пожиточен быти может" для "простых и неуких людей" и будет способствовать приобщению их к "науке". При этом переводчик не отрицал значимости священных книг и в "зацнейшом, пенкнейшом, звязнейшом, суптельнейшом и достаточнейшом языке словенском" для "мудрого казнодея" [19, с. 74]. Практика перевода религиозных книг на живой народный язык имела место и в дальнейшем. Так, в Кутейно в 1637 г. с участием наместника Могилёвского братского монастыря Иосифа Половко были изданы "простым языком руским" для "снаднейшого понятия и науки" Жития святых Иоанна Дамаскина [19, с. 89-92].

Достоянием национального самосознания в эпоху Возрождения и Реформации стали идеи веротерпимости, интеллектуального плюрализма, политического суверенитета, верховенства закона, прав человека. С большей или меньшей определённой многие из них были выражены уже в творчестве Франциска Скорины [14, 15]. Разрабатываемая мыслителями-гуманистами концепция религиозной свободы имела особое значение для сложного в этно-конфессиональном отношении государства. Философия толерантности, уважения к иному являлась неотъемлемым атрибутом гуманистической этики Скорины, что позволило некоторым исследователям усматривать в его творчестве зародыш традиций раннего экуменического движения [10, с. 297]. Позитизируя миролюбивый характер белорусов, Н.Гусовский также выступал против таких порядков, когда другой народ "попит в крови иноверцев, сжигает селенья", когда "вера велит ненавидеть другого" [2, с. 65]. Существенную роль в становлении идеологии религиозной свободы сыграло реформационное движение. Некоторые деятели протестантизма как представители новой конфессиональной культуры особенно ясно осознавали важность и необходимость ситуации веротерпимости. Мартин Чеховиц был убеждён, что "никто никого не должен принуждать к своей вере", а "каждый, кто исповедует свою веру, должен пользоваться широкой свободой" [25, с. 480]. Отстаивая право человека на свободное религиозное самоопределение,

Стефан Зизаний писал в "Казанни Святого Кирилла Патриарха Иерусалимского": "Не только до ереси отщепенства, але и до широе веры през квалт и войну абы жадного не притягали" [7, с. 34]. Общенациональные интересы для протестанта В.Тяпинского были выше религиозных разногласий. Уважительно относясь к православию и принятому в "греческой" церкви церковнославянскому языку, он издал Евангелие "двema языки зараз, и словенским и при нем тут то руским, а то набольший словенским,, яко они вси (православные. – В.С.) везде во всех церквах чтут и мают" для "лепшое их вери" и "их самих цвичения" [8, с. 88]. Воспитанная в духе религиозной терпимости часть польской, белорусской и украинской, прежде всего протестантской, шляхты отрицательно отнеслась к избранию на трон Речи Посполитой непримиримого католика Генриха Анжуйского, причастного к известным событиям 24 августа 1572 г. в Париже (Варфоломеевской ночи). С.Будный издал в переводе на польский язык в Лоске книгу Фриза "О фуриях, или о шаленствах французских", где описывалась расправа над протестантами-гугенотами. По версии М.Кояловича, "Варфоломеевская резня во Франции взволновала в Литве умы всех разноверцев" и заставила Генриха, встревоженного этими волнениями, отказаться от польского престола [11, с. 38].

Веротерпимостью отличались взгляды Михалона Литвина, автора трактата "О нравах татар, литовцев и москвитян". Он стремился без конфессиональной предвзятости оценить всё то позитивное, что есть в культуре и традициях разных народов, даже тех, которые нередко выступали военными противниками "литвы". Так, Литвин признаёт "дельность", "воздержание", "храбрость" москвитян и татар, одобрительно отзываясь об их нравственном облике; обращает внимание на справедливость их судопроизводства [3, с. 27, 33, 37, др.]. В "Пяти письмах против Скарги" и других сочинениях Андрей Волан выступал с осуждением религиозных войн, доказывал, что люди "вольны поступать так, как им подсказывает совесть", что свобода является врождённым свойством человеческой природы [21, с. 59-63].

Одним из наиболее существенных достижений белорусской общественно-философской, политической и правовой мысли стало закрепление идей веротерпимости в законодательстве – великокняжеских и королевских грамотах 1563 и 1568 гг., Статутах ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., других юридических актах, а также решениях Варшавской конфедерации 1573 г. Для "союзу между подданными различной веры, для сохранения общаго покоя, взаимным согласиём учиненному", "никому в собственной религии, обрядах, Богочтении, правах и вольностях нарушения не причинить" требовал указ Стефана Батория от 18 мая 1585 г. [4, с. 42]. В предисловии к Статуту 1588 г. канцлер Лев Сапега, обращаясь ко "всім вовец станом Великого князства Литовского", провозгласил принцип свободы высшей ценностью [23, с. 47].

Отличную от ренессансно-гуманистической позицию занимали идеологи Контрреформации, отстаивавшие идею превосходства католицизма над прочими вероисповеданиями. "Где нет согласия на почве веры и божьих дел, – утверждал Петр Скарга, – там его не может быть и в делах светских и политике" [13, с.84]. В работе "Процесс против конфедерации" он выступил против Варшавского акта 1573 г., называя его "диким, адским, волчьим, тиранским правом" [21, с. 109]. Духом религиозной нетерпимости проникнуто наиболее известное сочинение Скарги "О единстве церкви Божьей", о котором приверженцы Реформации говорили, что "оно пахнет кровью" [13, с. 84]. Борьба за религиозную свободу стала одним из важнейших составляющих процесса становления национального сознания белорусов и украинцев XVII столетия.

Идея свободы и связанное с ней учение о правовом государстве получили развитие в творчестве А. Волана ("О политической, или гражданской свободе", "О счастли-

вой жизни, или о наивысшем человеческом благе", "О государе и его личных добродетелях" и др.), письме Л. Сапеги к полоцкому униатскому архиепископу И. Кунцевичу. Следует отметить, что ренессансно-гуманистическое понятие свободы наряду со свободой вероисповедания предполагало относительное равенство перед существующим законом, неприкосновенность жизни и имущества. Необходимым условием существования общества признавалось юридическое закрепление прав и обязанностей сословий, решение спорных вопросов в судебном порядке, уважительное отношение к праву и его безусловное соблюдение [21; 14; 15]. Сфера закона, полагали мыслители-гуманисты, должна распространяться на все сословия общества, в том числе на верховную власть. Монархия, по мнению А. Волана, должна "править народом с помощью законов". Закон – "властитель граждан и короля", а король "должен быть ничем иным, как говорящим законом" [цит. по: 14, с. 222]. Сторонником конституционной монархии являлся и Л. Сапега. В предисловии к Статуту ВКЛ им было заявлено: "... то есть наша вольность, которою се мы меж иными народы хрестиянскими хвалим же пана, и жбы водле воли своее, а не водле прав наших пановал, над собою не маем, а яко славы учтисвое, так живота и маенности волно уживаем". "... Сам господар пан наш, – пояснял канцлер далее, – жадное звирности над нами заживати не может, одно только, колько ему право допускаеть" [23, с. 47].

Заключение в 1569 г. Люблинской унии стимулировало в белорусско-литовском обществе рост патриотических чувств, обострило политическое и национальное самосознание народа, усилило антипольские настроения, что получило отражение во многих памятниках общественно-философской мысли. Оршанский староста Филон Кмита-Чернобыльский писал подканцлеру Остафею Воловичу: "Ино некоторые мовят: "Не дай Бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову". Давно резать почали литвина... Большы будет жычлившыи народу польскому, нижели своему!.." [18, с. 87]. Не менее категоричен был автор политического памфлета "Речь Мелешки", "Проч Жикгмонта короля (уния заключена при Сигизмунде Августе. – В. С.)! Того нечего и в люди личити, бо Подляше и Волянь наш вытратив, ляхом менечися". В то же время восхваляется Сигизмунд I, который "немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростью велми не любил, а Литву и Русь нашу любительно миловал" [24, с. 358].

Стараниями патриотически настроенных белорусских феодалов, в частности Остафея Воловича, Яна и Александра Ходкевичей, Льва Сапеги и др. в 70 – 80-е гг. удалось частично восстановить политический суверенитет ВКЛ. Наиболее значительным событием стало принятие подготовленного при непосредственном участии Л. Сапеги Статута 1588 г. Великое княжество предстаёт в этом документе, вопреки Люблинской унии, суверенным государством с собственным законодательством, своей территорией, центральным административным аппаратом, войском и финансами, государственным белорусским ("русским") языком. Запрещалось назначать на должности и наделять землёй иностранцев, действовали белорусско-литовские сеймы, Главный Литовский Трибунал (1581). Всё это свидетельствует о том, что в сознании политической элиты ВКЛ возобладала идея федеративного союза, а не унитарного государства.

Свидетельством развития национального самосознания является эволюция понятия "отчизна". Этот термин, по мнению А.К. Кавко, знала литература XV в., но в то время он применялся преимущественно в узком, собственническо-владельческом значении и лишь по мере национального становления и усиления централизованной верховной власти стал общегражданским понятием [9, с. 62]. Осознание своей причастности к жизни, судьбе народа и страны в целом присуще всем мыслителям-гуманистам. Понятия "родина", "отчина", "отчизна" присутствуют уже в текстах предисловий Скорины. Своё "отечество – край чудес и

загадок" прославлял Н. Гусовский [2, с. 62]. К служению "отчизне" призывал С. Будный [19, с. 26]. Провозглашая высшей целью человека служение "отчизне", В.Тяпинский писал, что "готов, если она до конца згинет, з нею згинуть, або, если... будеть воздвигнена, з вами и з нею выбринуть" [8, с. 90]. А.Рымша в эпиграмме на герб Новогрудского воеводы Федора Скумина подчёркивал, что гербы даются за верное служение "Отчизне милой" [20, дадатак, с. 210-211]. В общегосударственном значении термин "отчизна" применялся в предисловии к Статуту 1588 г.: "человеку почтивому ничего нет мильшого над тое, гды во отчизне своей беспечне мешкаючы не боитсе..." [23, с. 47].

Патриотическая идея нередко отождествлялась с идеей религиозно-конфессиональной, патриотизмом провозглашалась забота о "вере старожитной" – православии [19, с. 57]. Так, Кузьма Мамонич в предисловии к "Евангелию Толковому" (1595) восхваляет "зацнеславных продков" Симеона Войны, каштеляна Мстиславского, благодаря которым "вера святая кафолическая церкви восточной квитнула и... умножала" и призывает магната помнить и "прародителей своих, святое православие держати... и веру свою... непоколебимо заховати..." [19, с. 43]. "Щасливый дом Окгинских", – говорилось в предисловии к "Книге Нового завета" (Ивье, 1611 г.), имеет герб как "знак набоженства и сталое веры" и "на том фундаменте вси цноты будуют, **отчизне милой делным мужеством услугуют**" [19, с. 50; выделено нами. – В.С.]. Богдан Огинский, говорится далее, не только "побожностью и делными а преважными отчизне послугами" знаменит, но и тем, что чтит полученную от "продков своих, веру святую старожытную" [19, с.57].

В сознании белорусов, как и украинцев, присутствует заложенная в эпоху Киевской Руси идея генетического родства славянского мира, духовной общности белорусского, украинского и русского народов. Своё конкретное выражение она находила прежде всего в религиозно-церковной и культурно-просветительской деятельности, мировоззрений. На протяжении XVI – XVII стст. белорусско-украинские и русские церковные и культурные деятели, мыслители (священнослужители, книгоиздатели, писатели, школьные учителя, вольнодумцы) теснейшим образом взаимодействовали и сотрудничали [6]. В белорусско-литовском летописании постоянно присутствует идея совместного противостояния внешней военной угрозе. Автор Хроники Литовской и Жмойтской в рассказе о Куликовской битве одобрительно отзывается о сыновьях Ольгерда – Андрее Полоцком и Дмитрие Брянском ("княжатах литовских православной веры"), которые пришли с дружинами "на помощь Димитрию и всему христианскому народу против поганого царя Мамая". Куликовская битва рассматривается летописцем как сражение "за веру христианскую и за землю рускую", прославляется "славное звитязство", причём не только московские, но и "литовские" воины. Подчёркивается, что победа была достигнута во многом благодаря "княжатам литовским". "Литовские" князья представлены и как носители белорусско-украинско-литовского государственного патриотизма. После сражения они "начаша проситися во своя" и было "не возможе их уняти" [17, с. 51-60]. Важным культурно-интегрирующим фактором восточнославянских народов являлось осознание религиозно-церковного единства на основе православия.

Таким образом, в белорусской мысли второй половины XVI в. получили развитие гуманистические и национальные идеи, заложенные в период раннего Возрождения. Конкретными формами становящегося национального самосознания выступали любовь к родине, преданность "отчизне", гуманизация христианской жизни, забота о развитии отечественной культуры, родного языка, просвещения, сохранении традиций, исторической памяти; идеи общего блага, веротерпимости, государственного суверенитета, верховенства закона, прав

сэслова інтэграванага чалавека. Калі паспрабаваць прадставіць асновополагаючыя кампаненты беларускага самасознання ў якасці трыяды, то гэта: хрысціянскі гуманізм, нацыянальная культура, канстытуцыйная монархія. Носіцелямі нацыянальнага і звязанага з ім грамадзянскага самасознання яўляліся прадставіцелі інтэлектуальна і ліберальна настроенай эліты грамадства, шляхецкая і гарадская інтэлігенцыя. Нацыянальнае самасознанне развівалася ў кантакце з самасознаннем рэлігійна-канфесійна-рэгіянальным, рэгіянальным, усходнеславянскім. Працэс нацыянальнай кансолідацыі беларусоў быў ускладнены ў другой паловіне XVI в. у звязі з утварэннем Рэчы Паспалітай. Палітычная унія з Польшчай пачала палонізацыю часткі феадальнага сословія, стварыла неблагопрыятныя ўмовы для развіцця духоўнай культуры. У тое ж час яна побуждала да пошукаў новых форм абароны і захавання палітычнага і нацыянальна-культурнага суверэнітэта.

ЛІТЭРАТУРА

1. Акты, адносячыся да гісторыі Западнай Русі. – СПб., 1851. – Т.4.
2. Антологія педагогічнай думкі Беларускай ССР. – М., 1986.
3. Архіў гісторыка-юрыдычных сведзенняў, адносячыхся да Расіі. – М., 1854. – Кн. 2, другая паловіна.
4. Беларускі архіў старажытных грамад. – М., 1824. – Ч.1
5. *Гарэцкі М.* Хрыстаматыя беларускае літаратуры. – Вільня, 1922.
6. *Голенчанка Г.Я.* Ідэйныя і культурныя сувязі усходнеславянскіх народаў у XVI – сярэдзіне XVII в. – Мн., 1989.
7. *Зызаній С.* Казанне святога Кірыла патрыярха Іерусалімскага. – Вільня, 1596.
8. Із гісторыі філасофскай і грамадзянска-палітычнай думкі Беларусі. – Мн., 1962.
9. *Каўка А.* Тут мой народ. – Мн., 1989.
10. *Канан У.М.* Беларуская культура XIII – XVII стаг. і праблема нацыянальнага Адраджэння // Наш Радавод. – Гродно, 1991. – Кн. 3, Ч.2. – С.293-298.
11. *Коялович М.* Літоўская царкоўная унія. – СПб., 1859. – Т.1.
12. *Мікуліч Т.М.* Мова і этнічная самасвядомасць. – Мн., 1996.
13. Ачеркі гісторыі філасофскай і сацыялагічнай думкі Беларусі. – Мн., 1973.
14. *Падокшын С.А.* Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі. – Мн., 1990.
15. *Падокшын С.А.* Франціск Скоріна. – М., 1981.
16. Памятнікі полемічнай літаратуры ў Западнай Русі. – Пб., 1882. – Кн.2.
17. Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т.32.
18. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці. – Мн., 1975.
19. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Франціска Скарыны. – Мн., 1991.
20. *Саверчанка І.В.* Старажытная паэзія Беларусі. – Мн., 1992.
21. *Сокол С.Ф.* Палітычная і прававая думка ў Беларусі XVI – першай паловіны XVII в. – Мн., 1984.
22. *Старостенка В.В.* Ідэі нацыянальнага самасознання ў беларускай думцы ранняга Адраджэння // Веснік МДУ. – 2000. – № 4.
23. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. – Мн., 1989.
24. Хрыстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. – Мн., 1959.
25. Literatura arianska w Polsce XVI wieku. Antologia. – Warszawa, 1959.

SUMMARY

The article reviews the formation of the conception of national being in social, political and philosophical works of Francisk Skorina's following of the second half of XVI century, the ideas of patriotism, religious tolerance, state sovereignty, human rights being developed and the values of national culture, history, native language, enlightenment being established during the given period.